

Укрепление Гульча

Е. Л. Марков. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. — СПб., 1901.

Ферганская область. Начальник поста, расположенного близ кашгарской границы. Фото О. Кросби, 1903 г.

Крепость Гульча устроена, если не ошибаюсь, тоже Скобелевым, больше, кажется, для страха алайским киргизам, чем для защиты от китайцев или англичан, хотя от нее и очень недалеко до кашгарской границы.

Нам, конечно, хотелось посетить эту порубежную твердыню нашу, брошенную Бог знает в какие далекие горные дебри. Все же русские люди живут тут, правдою и верою оберегая владения русского царя, охраняя интересы русского царства, в глуши этих неведомых нам пустынь, гораздо более далеких и опасных, чем тот «рубеж земли русской», который сторожил когда-то в старинных наших сказках Ивашка Белая Епанча Сорочинская Шапка.

Побывав здесь, на этих «последних краях» необъятного царства русского, где через горный хребет уже подозрительно смотрит на вас косоглазый китайский мандарин, где люди ездят верхом на быках, обросших шерстью барана, и вместо домов, городов, селений, — на целые сотни верст не видишь ничего, кроме бобровых шалашей кочевых кибиток, — где самая русская речь звучит чем-то чужим и никому не понятным, а крошечныегорсточки передовой русской силы тонут как в хлябях моря в напирющей отовсюду азиатчине, — живо понимаешь и бывшее положение наших иных, более родных нам окраин, тех первых смельчаков, проникавших за защитную черту земли русской, в Дикое пустопорожнее Поле, о которых сохранили нам память старые летописи, которые задолго до присоединения этих земель к царству русскому держали в них караулы и водилисторожи, и которым с трогательною христианскою любовью посылали свое ободряющее пастырское благословение из далеких православных обителей Москвы и Владимира первосвятители земли русской.

Крепость Гульчи не дальше двух или полуторы версты от кочевья датхи...

Когда подъезжаешь к ней, свободно окидываешь взглядом всю эту живописную котловину.

Громадная горная твердыня, с альпийскими пастбищами наверху, на которых пестреют крошечными мушками поднятые под облака овцы и лошади, охватывает сплошным амфитеатром тихую зеленую долинку, всегда обильную водой и травой, всегда кишашую стадами верблюдов.

Черные кибитки кочевников опоясывают своими кое-где рассеянными муравьиными кучками ее могучую каменную пяту.

Гульча, вырвавшись из тесных ущелий Алайского хребта, словно с перепуга бросается во все стороны, силясь уйти подальше от тяжких горных громад, надвинувшихся на долину, запруживает сама себя наносами хряща и камня, которые она выгрызает в горах на пути своего бешеного бега, и, меняя то и дело капризное течение свое, схватывает своим змеистым руслом, будто широким поясом, всю эту круглую сочную низину со стороны, противоположной горам.

Укрепление Гульча

В этой-то низине, немного выше, чем становище датчи, и тоже на берегу Гульчи, вечно рокочущей, вечно трубящей в свои неугомонные боевые трубы, — белеет своими низенькими стенами и домиками нисколько не грозная на вид русская крепостца.

Правда, крепостной ров довольно глубокий и широкий, на банкетах установлены пушки, часовые ходят у ворот, а внутри крепости несколько каменных казарм, из которых тоже можно безопасно отстреливаться от такого не особенно грозного врага, как здешние халатники.

Но все-таки, казалось мне, пальца в рот нельзя никому класть, и ручаться за то, что нашим здешним порубежным крепостцам придется всегда иметь дело только с одними киргизами и их кремневыми самопалами, — право, слишком рискованно.

В настоящее время наши друзья — «просвещенные мореплаватели» с одной стороны и наши добрые европейские соседи немцы с другой — самым нешуточным образом снабжают наших азиатских соседей всякими усовершенствованными орудиями истребления и с истинно отеческою заботливостью хлопчут обучить их даже на свой счет всем новейшим приемам боевого искусства, так что мы можем рассчитывать в этом отношении на самые неожиданные для нас сюрпризы...

Мы добросовестно обошли кругом все парапеты крепостной стены, увидели все то небольшое, что можно было здесь увидеть, и направились к мирным белым домикам, за крепостной оградой, где проживало местное офицерство.

Начальства в этой крошечной крепостце все-таки довольно: ротный командир, два субалтерн-офицера, воинский начальник, смотритель интендантского склада, если я не забыл еще кого-нибудь. Кажется, есть еще военный доктор и священник.

Конечно, чтобы жить целые годы здесь в такой тесной и постоянной компании, в единственном соседстве с киргизскими кибитками, яками, кииками, кабанами да барсами, — развлекаясь только караулами, — нужно немало христианского терпенья. Но тем не менее люди тут живут, как и в любом Париже или Вене, и даже плодятся и размножаются так же, как там.

По крайней мере, в домике ротного командира, у которого прежде всего остановилась наша многочисленная экспедиция, мы нашли целое почтенное семейство в момент какого-то домашнего горя, не помню уж хорошо, какого именно, помешавшего нам воспользоваться гостеприимством хозяйки дома.

Мы оставили азиатскую партию своего каравана на крепостном выгоне — покормить лошадей и подкрепиться горячим кавардаком, который киргизы живо стали жарить тут же на воздухе. Сами же мы отправились пешком в стоявший на отшибе от других строений низенький беленький домик, где квартировали холостые субалтерн-офицеры. Это все был народ хорошо знакомый нашим ошским спутникам, и с ними никаких церемоний не полагалось. Офицеры вышли к нам навстречу и с самым теплым радушием потащили нас к себе.

— Давайте нам скорее что-нибудь поесть, господа! — откровенно объявили им гости, — дорога дальняя и трудная, опаздывать нельзя. Нам сегодня же, хоть бы поздно ночью, необходимо быть в Оше.

— Да ведь у нас разносолов не разживетесь, милая барынька! — отвечали с тою же честною откровенностью хозяева. — Денщик наш изо всего, чему мы его учили, умеет только сжарить на сковороде скверные битки. А больше не прогневайтесь... вот чаю, водки, вина красного — этого сколько угодно... милости просим... Говядины, знаете, у нас часто не бывает, а водка и вино, даже шампанское, когда хотите... Этого добра сколько угодно в долг дают...

Добрые и милые юноши, простодушно потешаясь и над своим цыганским хозяйством, и над своим невозможным кухмистером, самым комическим образом хлопотали о нашем угощении: один тащил самовар, другой раздувал уголь, не переставая весело болтать с нами; за сливками пришлось сбегать к ротной командирше, за тарелкою к воинскому начальнику, розыск чайных ложечек и блюдец потребовал целого военного совета своего рода. Но и за всеми этими смело предпринимаемыми хозяйственными экспедициями — никак не выходил «весь туалет», а все-таки чего-нибудь недоставало то для чаю, то для завтрака, и приходилось чем-нибудь по-братски делиться с соседом; это, впрочем, не приводило ни в малейшее смущение ни хозяев, ни гостей, а только вызывало добродушнейший общий смех и забавную болтовню.

Братская простота отношений между русскими людьми, загнанными судьбою в этот далекий и чуждый край, сама по себе глубоко симпатична. Но кроме нравственного удовлетворения, отношения эти только и делают для них возможным сколько-нибудь

человеческое существование среди непочатой дикости туземной жизни. Те же самые воинствующие пустынные Гульчи, у которых в доме мы распорядились теперь, как в своем собственном, приезжая в какой-нибудь Ош, с такою же бесцеремонностью останутся на целые недели у первого попавшегося товарища, потребуют у кого лошадь, у кого седло, у кого другую необходимую им вещь — и будут смотреть на это как на самое естественное дело.

Мы все-таки сделали маленькую прогулку по Гульче с своими хозяевами, пока монгольская свита наша приготавливала коней.

Я ничего еще не сказал о наших хозяевах. Один из них, Е., — был юноша богатырского склада, добродушный и веселый; и душа и тело его еще были пропитаны свежими, не перебродившими соками молодости. Другой, Р., был более сдержанного и серьезного характера и, может быть, с несколько большими требованиями от жизни. Но оба по-юношески увлечены окружающею их грандиозною природою и дикою обстановкою жизни, вызывающею в человеке дух стойкости, отваги и предприимчивости. Оба они, как все здешние военного старого туркестанского типа, лихие и неустрашимые охотники, неутомимые и любознательные бродяги по горным дебрям.

Здесь почти каждый из офицеров успел порыскать верхом не только по Большому Алайскому хребту, но и в глубоких ущельях Заалайских гор, успел побывать верхом и на Памире, и в Кашгаре. С такими бравыми защитниками и опытными «следопытами» дикие окраины русского царства могут быть действительно безопасны. Кабанов они бьют здесь, в приволье диких гор, как у нас, в русской деревне, бьют зайцев. В противоположность Кавказу, где на кабана смотрят с большим страхом, чем на медведя, — здесь никто не церемонится с «свинотою» и наколачивают этой свиноты столько, что бывает некуда ее девать. Кабаны очень любят зимою солнечную сторону гор, где снег оттаивает и дает им возможность докопаться до корней; тут обыкновенно и разыскивает их опытный охотник; он карабкается за ними по утесам и пропастям и прямо идет навстречу целому стаду с своим скорострельным ружьем.

10-ть, 20-ть штук диких свиней — очень нередкий трофей охоты.

Горный баран, убитый киргизом. Фото Д. Хэнбери, конец XIX в.

Гораздо более ловкости и умения требуется для охоты на киика, другого туземного обитателя Алайских и Памирских гор. Киик, подобно туру, имеет громадные трехгранные рога, откиннутые назад, и бородат так же, как тур. Киргизы необыкновенно ценят кожу киика, потому что из нее делаются самые прочные и непромокаемые чомбары. Чомбары из всякой другой кожи промокают даже от дождя, а в кииковых чомбарах можно смело плыть по воде, не замочив тела. Оттого-то они и стоят здесь от 8 до 10 рублей, между тем как обыкновенные кожаные чомбары можно купить за 1½ и за 2 рубля. Чомбары — важная вещь в путевом и боевом снаряжении киргиза. Увидев их в первый раз на текинцах Туркмении, я легкомысленно потешался над их неуклюжестью и изумлялся грубому и глупому вкусу кочевника, без всякой нужды нацепляющего на себя такие «как море широкие» шаровары; удивлялся в то же время и тому, как это народ, всю жизнь проводящий в битвах, нападениях и грабежах, народ, можно сказать, рождающийся на коне или на верблюде, живущий и умирающий на седле, не выработал себе за целые тысячелетия своей воинственно-разбойничьей жизни ничего более удобного, как эти долгополые халаты, мешающие всякому движению человека, и эти возмутительные чомбары, в каждой половинке которых можно засадить по два человека. Но здесь, в горном походе с киргизами, под весенним дождем, в волнах стремительных потоков, которые то и дело приходится переезжать вплавь, я понял и вполне оценил незаменимую пользу этих непромокаемых кожаных чехлов, герметически затянутых снизу, а сверху очень удобно вбирающих в себя полы длинных шуб и халатов, всего того, одним словом, что мешает киргизу крепко сидеть на седле,

ловко прыгивать и вскакивать на него, продираться пешком по лесным дебрям и карабкаться по горам.

Киргиз перевозит горного барана на яке. Фото Д. Хэнбери, конец XIX в.

Когда киргиз отправляется в путь, в поход или на охоту, он прежде всего напяливает чомбары, упрячивает внутрь их все широчайшие воскрылья своих одежд и затягивается потуже своим бильбау — ремненным поясом, к которому привешены ножик в чехле, точило, походная чашка в кожаном футляре и другие нужные в дороге вещи. Длиннополый халатник сразу превращается в воина, одетого по-видимому очень легко — в короткую куртку и шаровары, а между тем он не расстается ни с одной из своих теплых одежд, совершенно необходимых в этих странах убийственных зимних ветров и сырых горных туманов; напротив того, эти теплые шубы и халаты еще теснее и теплее обнимают его, когда он плотно затягивает их ремнем и не дает раздуться по ветру длинным полам их, надежно засунутым в спасительные чомбары.

Огромный Е. вызвался проводить нас до Ленгара; эта маленькая прогулка верхом, 70—80 верст туда и обратно, в приятной компании, которую не часто

приходится пользоваться в Гульче, — все-таки представлялась ему отрадным развлечением среди унылого однообразия жизни этой крепости-скита.

Наш караван опять потянулся чрез разливы бешено ревущей Гульчи, такой же многолюдный как и прежде, и еще более яркий и пестрый при свете знойного дня. Опять та же арба и тот же невозмутимый арбакеш-философ на хребте столь же невозмутимого философа-коня, на которого никакие всплескивания и рокотания горных потоков, никакие ямы и камни, пересчитываемые колесами его арбы, не производили ни малейшего впечатления.

Я только теперь обратил внимание на очень оригинальное дерево, которым во многих местах поросли берега Гульчи. Его называют здесь *каменный тополь*. Издали он похож на старую дуплистую ракиту с обрубленными сучьями. Но если рассмотреть его хорошенько — весь его короткий и толстый ствол, с скудным букетом ветвей наверху, свит точно из железных узлов, чем он очень напоминает палестинские древние масличины.

Тополь этот действительно каменный во всех отношениях: он и растет почти исключительно на камнях, и крепок, как камень. Ни топор, ни пила не берут его, и он может целые годы оставаться в земле, в воде и воздухе, не подвергаясь гниению.

Негной-дерево своего рода, которым и дорожат здесь по этому его незаменимому качеству. Впрочем, Ферганские горы вообще богаты негниющими деревьями. По пути в Гульчу и из Гульчи мы не раз проезжали мимо лесов арчи, похожей на нашу сосну, но гораздо более негниющую, чем сосна. Бревна и доски из этой арчи употребляются во всей Ферганской области на водяные постройки вроде мостов, шлюзов, набережных, где они держатся несравненно дольше, чем всякий другой лесной материал. Из арчи же и тута делаются здесь речные суда.

Гульчинская котловина в сколько-нибудь возвышенных и каменистых местах своих покрыта густыми зарослями какой-то травы-колючки с очень длинными шипами, которую, однако, мозолистый рот верблюда пережевывает с сугубым наслаждением. Трава эта несколько похожа на курай, или верблюдятник, распространенный в Крыму, на Кавказе и во многих местах Туркмении и Туркестана. Здесь она имеет большое значение как любимый корм верблюда и как надежный притон фазанов. С тех пор, как колючку стали здесь истреблять без всякой осторожности, то для корма верблюдов и топлива, то для расчистки земли под посевы, — фазаны сильно уменьшились в числе. Теперь даже запрещена киргизам, в целях размножения фазанов, их любимая старинная охота с ястребами, в которой они славились своим искусством еще при великих князьях московских.

Киргизы с беркутами. Фото Д. Хэнбери, конец XIX в.

Мы выбрали для возвращения в Ленгар другую дорогу, хотя несколько более далекую, но зато более покойную, к тому же интересно было познакомиться с горами Малого Алая по возможности в разных местах.

Почти сейчас же по переезде Гульчи, мы свернули в узкую, романтически-живописную теснину, по которой бежал нам навстречу через камни и пни деревьев горный поток Джиле-Су. Колоссальными зелеными пирамидами, титаническими каменными стенами сходились здесь лицом к лицу горные громады, и одна только эта бешеная речка-водопад, не смолкая трубившая в свою боевую трубу, как ножом разрезала их друг от друга своим глубоким лесистым ущельем. Очень изрядная колесная дорога лепилась вдоль ручья, то и дело, впрочем, переносясь то направый, то на левый его берег, смотря по тому, откуда теснее надвигалась на нас тяжкая пята горных громад.

Леса, покрывавшие все скаты и уступы этих гор и уходившие вверх на недоступную глазу высоту, приосеняли нашу дорогу тысячами зеленых опахал, под прикрытием которых могучее дыхание горного ручья радостно и бодряще освежало знойный воздух полудня.

Соловьи, может быть, прилетевшие из наших курских и щигровских рощ, пели знакомые нам песни в этих диких чащах, раздражаемые немолчным рокотом несущегося вниз потока, и мне казалось, что они встречали этими гимнами весны, как

заздравными тушами приближающихся дорогих гостей — нас, своих старых знакомых далекой русской родины.

Несмотря, однако, на эти чарующие голоса возрожденной природы, на рокот и щекот, которым, казалось, был заткан весь воздух, на душистый зной и зеленые одежды леса, — белые залежи снегов, будто лохмотья шубы только что отвалившей отсюда ведьмы-зимы, торчали зловещими пятнами в темных складках и пазухах гор, на одной высоте с нами, сочась влажными тонкими струйками по каменным щекам скалы.

Нам пришлось проехать, между прочим, мимо теплого ключа, который пробивается из земли на полускате горы. Продираться к ключу на ту сторону, через ручей, да еще по круче, заросшей лесом, не всем показалось интересным; отправились туда только мы с Е. Бойкие коньки наши без раздумья переправились через бурный поток и ловко, как дикие козы, взобрались на крутой скат, покрытый колючим кустарником, пнями и буреломом.

Там, в тени старых деревьев, выбивался прямо среди зеленой травы и заливал маленький прозрачный бассейн теплый источник. Мы спешили, чтобы попробовать его воду. Ее нельзя назвать горячею, а только умеренно нагретою. Никакого серного или какого-нибудь другого характерного запаха не выделяется из нее. По всей вероятности, вода остывает уже на поверхности земли или в самых верхних слоях ее вследствие слабости и медленности струи. Без сомнения, она сделалась бы значительно горячее, если бы раскопать глубже источник и собрать его в каменный резервуар. Туземцы знают и чтут этот ключ и лечатся его водою от разных болезней.

Ущелье Джиле-Су постепенно поднималось все выше и выше в гору и наконец разветвилось на три ущелья; три горных потока, зарожденные высоко за облаками в далеких ледниках Алая, свергались навстречу нам с уступов скал, неистово пробиваясь и прогрызаясь через сдавившие их каменные твердыни, нагроможденные впереди; левее всех несся совсем черный и мутный Кара-Булак, в середине Джиле-Су, и Чигирчик — справа. Лесистые теснины, сквозь которые вырывались на свет Божий два лесных потока, были так глубоки и узки, что, казалось, в них до сих пор еще стояли синие туманы ночи. В поразительно дикой перспективе дали хмурились над черными лесными пирамидами голые каменные, а еще дальше из-за их гранитных плеч мерцали алмазами своих ледников и полями своего вечного снега — видевшими, быть может, еще начало творения, — седые головы великанов Алая.

Все три потока, вырвавшись на свободу, соединились в одну бурную речку Джиле-Су, вверх по которой мы до сих пор ехали.

Мы повернули в правое ущелье Чигирчика, далеко не такое мрачное и тесное, как два его соседа и брата. Но и по долине Чигирчика пришлось ехать не долго. Арбяная дорога, недавно проделанная здесь распоряжением военной власти для беспрепятственного подвоза провианта и военных снарядов к Гульче и другим нашим порубежным постам, стала в то же время удобною торгового дорогою с Кашгаром и

алайскими киргизами. Конечно, было бы большим заблуждением — придавать обычное европейское значение этому эпитету «удобная». Уже карабкаясь верхами, из долины Чигирчика на огромную горную седлину, замыкавшую справа течете реки, мы могли воочию убедиться, насколько удобен был бы этот бесконечный подъем для нагруженных товарами арб.

По ярким красным глинам, по свежим сверкающим осколам белого алебастра, мимо скал какого-то порфириовидного камня, с трудом взорванного порохом для проложения дороги, лезли мы целый час вверх под безжалостным припеком полдневного солнца.

С красной седлины зато открывается широкая и светлая панорама живописных окрестностей, и сейчас же начинается чуть ли еще не более крутой спуск по ту сторону горы. Я вынул походный альбом и, отъехав в сторонку, стал набрасывать в него этот характерный вид, записывая в то же время для памяти кое-какие впечатления свои.

Два киргиза, нагнавшие меня, с изумлением и тревогою поглядели на непонятные для них манипуляции мои и стали неодобрительно шептаться между собою, долго не спуская с меня своих подозрительных взглядов.

Со смехом в душе, я невольно вспомнил сцену, рассказанную в «Караван-записках» нашим среднеазиатским путешественником 20-х годов Кайдаловым: старый киргиз, увидев, что Кайдалов пишет что-то в свои тетради, подошел к нему и сказал гневно:

— Как? если бы ты знал Бога, то я сказал бы, что ты не боишься Его, делая зло людям, которые тебе кроме добра ничего не сделали.

На удивленный вопрос Кайдалова он отвечал:

— Как же! ты пишешь и через то наводишь вредные облака, причиняющие смерть скоту нашему! Разве ты не знаешь, сколько в бытность вашу у нас его перемерло? Давно бы вас *сжечь следовало!*

Что это была не пустая угроза, Кайдалов рассказывает, как киргизы сожгли в подобном случае одного татарина, у которого нашли книги.

Мне, впрочем, к счастью, не грозило уже больше ничего подобного в сопутствии храбрых русских воинов, завоевателей и господ этого невежественного края, где даже листок бумаги мог еще недавно ввести человека на костер.

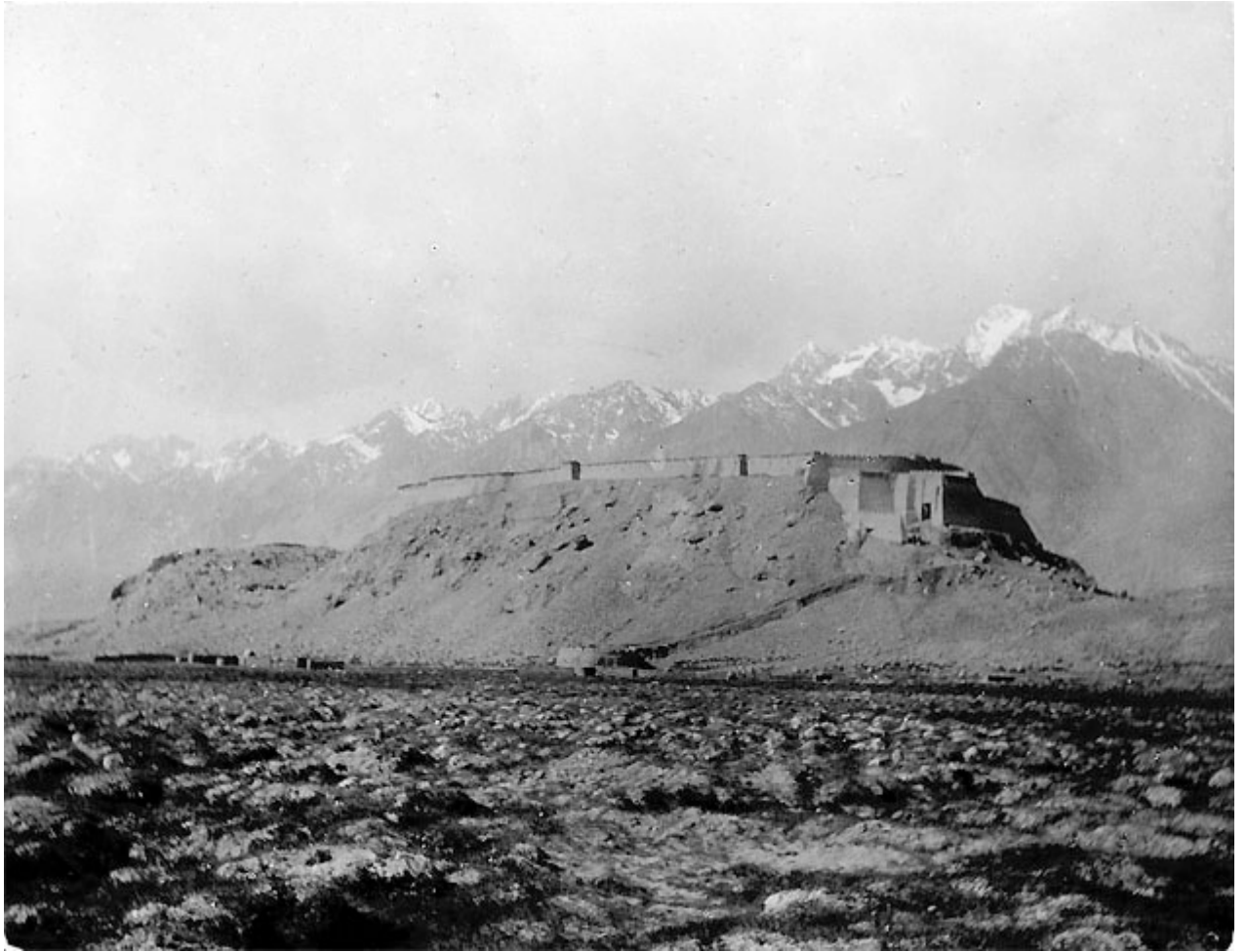
Чтобы не разбивать лошадей по каменному щебню дороги-ручья, нам не раз приходится лепиться по козьим тропам береговых обрывов, что мне живо напоминает мои старые кавказские странствования.

Многоопытный вожак наш Г<лушановск>ий все время держится впереди . Его маленькому коньку цены нет. Ни разу не сбиваясь с своего аллюра, он от места до места покачивается все одною и тою же спорою и покойною ходюю, не уставая сам, не утомляя всадника, баюкая его на седле, словно в креслице. Другие увлекутся, ударятся вперегонки, пустятся вскачь, обгонять Г<лушановско>го подчас Бог знает как далеко, а

он все себе спокойно потрусывает с перевальцем на своем лихом иноходце, неподвижный и серьезный в своем седле, будто только что сел в него, — и, смотришь, через полчаса все отстали от него, и он по-прежнему продолжает вести нашу беспорядочно растянувшуюся походную колонну, с уверенностью и выдержкою опытного командира, который всегда привык быть впереди, в голове всех.

Он рассказывает мне много любопытного о горах Алая и Заалая, о Памирах и киргизских кочевках на них. Он отлично знает все эти места, всякие уголок их. Везде он успел побывать не один раз. Он тут везде хозяином не по одному только званию своему. Правда и то, что он целых 20 лет в Туркестане и в одном только Оше 15 лет.

Памир, по его словам, несомненно наш. Но киргизы, которые там бродят, не платят нам ничего, не считают себя русскими подданными. Им слишком выгодно, кочуя в этом недоступном плоскогории, на котором сходятся рубежи Китая, Индии, Авганистана, Бухары и России, отказываться от дани Китаю, под предлогом, что они кочуют в пределах России, и от дани России, под предлогом, будто они платят Китаю. Памир — совершенная пустыня, безотрадная и бесплодная. Там нет ровно ничего, кроме диких зверей да кочующих летом киргизов. Границы там тоже не проводились никогда и никем, а мы приобрели права на него только потому, что завоевали Кокандское ханство, которому принадлежал Таш-Курган и другие более известные урочища этой «крыши мира». Между тем теперь, пользуясь отсутствием границ, кашгарцы захватили Таш-Курган и считают его своим.

Крепость Таш-Курган. Фото Д. Хэнбери, конец XIX в.

Г<лушановско>му случилось побывать на Памире и с оружием в руках. Несколько лет тому назад известный киргизский разбойник Мат-Карым взволновал алайских киргизов и ошских сартов, и ловить его пришлось Г<лушановско>му. Ему дали знать, что Мат-Карым скрывается в летних кочевьях Памира, в местности Кудара, и он отправился за ним туда с несколькими казаками и с одним киргизом из соседних волостных старшин, который был в этом деле главным путеводителем и сыщиком. Когда они окружили кибитки кочевья, поднялась жаркая перестрелка; в самый разгар ее киргиз огромного роста с саблюю наголо, стремительно выскочив из кибитки, бросился к стоявшим в стороне казацким лошадям, одним прыжком вскочил на ближайшего коня, и прежде, чем казаки успели опомниться, умчался в степь. За ним, однако, бросились и догнали его; это оказался сам Мат-Карым. Его взяли израненного и повезли в Ош.

Вообще, Памир служит постоянным убежищем для киргизских возмутителей и разбойников, вторгающихся в Фергану и волнующих туземное население, еще так мало привыкшее к теперешней мирной жизни и русским порядкам.